

Двадцать второго числа состоялась торжественная церемония оглашения результатов дворцовых экзаменов.

Едва в предрассветном тумане пробила пятая стража, огромная толпа соискателей уже собралась у Полуденных врат. Как только император взошел на престол, будущих чиновников провели на площадь перед Залом Высшей Гармонии. Опустившись на колени на холодные каменные плиты, Цзя Чжу и Линь Сююй чувствовали, как от волнения и предвкушения сладко замирает сердце.

Раздался трубный глас, и глашатай из Министерства ритуалов зычно выкрикнул первое имя:

— Первое место первого класса — Чжао Сюнчжао!

Грянула торжественная музыка. Стоявший позади Цзя Чжу мужчина резко вскинул голову. На его лице отразилось такое изумление, будто он не верил собственным ушам. Застыв на мгновение в оцепенении, он неловко, спотыкаясь, поднялся с колен, поспешил вперед и снова пал ниц перед императорским помостом.

Сююй, заметив, что лавры победителя достались не ему, мгновенно помрачнел. На его лице промелькнуло горькое разочарование.

Глашатай тем временем продолжал:

— Второе место первого класса — Дай Хайкун!

Вперед выступил мужчина лет пятидесяти, чья шевелюра уже подернулась благородной сединой. Сияя от счастья, он поспешил занять свое место на коленях рядом с победителем.

Поняв, что упустил даже звание секундуса, Сююй и вовсе пал духом. Он низко опустил голову, пряча искажившееся от досады лицо, и сжал кулаки, упершись в каменную плиту, с такой силой, что побелели костяшки. Со стороны могло показаться, будто юноша провалил экзамен и остался ни с чем.

Цзя Чжу, искоса наблюдавший за товарищем, невольно вздохнул.

«И стоит ли так убиваться?..»

В этот момент с возвышения раздался новый возглас:

— Третье место первого класса — Линь Сююй!

Цзя Чжу с облегчением перевел дух. Слава небу, этот несносный мальчишка все же удостоился звания терциуса, иначе его уязвленное самолюбие точно не пережило бы удара. Однако сам Сююй словно оцепенел и никак не реагировал на слова глашатая. Цзя Чжу пришлось чувствительно толкнуть его локтем в бок. Юноша вздрогнул, очнулся от тяжелых дум и поспешно прошел вперед, опустившись на колени перед троном.

Теперь пришел черед Цзя Чжу падать духом. Раз его имя не прозвучало среди тройки лидеров первого класса, значит, высшие почести обошли его стороной. Оптимус сразу получал должность старшего секретаря в Академии Ханьлинь, а секундус и терциус становились младшими секретарями. Всем остальным, оказавшимся за пределами заветной тройки, предстояло либо годами ждать вакансий в министерствах, либо отправляться на службу в далекие провинции.

Пока он предавался этим безрадостным мыслям, над площадью разнеслось:

— Первое место второго класса — Цзя Чжу!

От неожиданности у него перехватило дыхание, а мысли на мгновение спутались.

«Что?! Всего одно место?!»

Разница между третьим и четвертым номерами казалась ничтожной, но в плане перспектив их разделяла целая пропасть! Впрочем, если повезет, его могли зачислить в Академию Ханьлинь в качестве шуцзиши для прохождения стажировки, а если удача отвернется — он просто пополнит ряды соискателей, ожидающих своего часа. Горький ком подступил к горлу, но делать было нечего: совладав с нахлынувшими чувствами, Цзя Чжу поднялся, прошел вперед и опустился на колени, принимая свою участь.

Соискатели провели перед Залом Высшей Гармонии немало времени, прежде чем чиновники зачитали весь список из двухсот девяноста двух новоиспеченных цзиньши. Наконец формальности были улажены. Тройке лучших торжественно пожаловали чины в Академии Ханьлинь, а остальным велели ждать дальнейших распоряжений.

Конечно, для большинства этот день стал праздником, но в душе каждого звенела своя струна. Сююй едва сдерживал кипящее внутри негодование. Дворцовый экзамен — это не современный выпускной, здесь не было возможности пересдать или попытать счастья в следующем году. Выбор делался один раз и на всю жизнь. И это означало, что заветная вершина осталась непокоренной, а мечта превзойти Хоу Сяохуа так и останется несбыточной грезой.

Цзя Чжу, напротив, быстро успокоился. Юношеский задор и досада от упущенного первенства уступили место трезвому расчету. Четвертое место в общем списке — результат более чем достойный. Почти наверняка его зачислят в шуцзиши, а ведь именно с этой ступени начинали свой путь величайшие государственные мужи и министры империи. Он получил свой пропуск в мир большой политики, а значит, главная цель была достигнута. На душе у него окончательно прояснилось.

Тем временем пришел черед выслушать императорское наставление. Восседавший на троне император Цзинчан обратился к новоявленным государственным мужам с речью, призывая их к верности престолу и неустанной заботе о благе подданных. Отдельно государь остановился на застарелой болезни чиновничьего аппарата — кумовстве и заговорах, которые годами зрели среди выпускников одного года и учеников одних наставников. Император сурово предостерег молодых людей от создания тайных союзов и коалиций, напомнив, что долг перед государем и законом превышает любых личных связей.

Слушая мерный голос монарха, Цзя Чжу невольно усмехнулся про себя.

«Слова правильные, да только толку от них? Разве существовала в истории хоть одна династия, избежавшая партийной борьбы? Даже в моем прежнем мире, при всем его прогрессе, люди пробивали себе дорогу вверх исключительно через нужные знакомства, выгодные браки да родственные связи»

Когда государь закончил свою неторопливую речь, герольд провозгласил:

— Новому оптимусу возглавить шествие и вознести благодарность за высочайшую милость!

Чжао Сюнчжао почтительно отозвался, сделал несколько шагов к подножию трона и пал ниц, совершив троекратное коленопреклонение и девятикратное челобитье. Дрожащими руками он извлек из широкого рукава свиток, обернутый желтым шелком, и звучным, хотя и слегка прерывающимся от волнения голосом зачитал благодарственную молитву. Это был классический, до предела выверенный панегирик, призванный воспеть мудрость правления и величие династии — обязательный ритуал, без которого не обходилась ни одна церемония. Как только прозвучали последние слова формуляра, вся площадь в едином порыве склонилась к самой земле.

— Благодарим Ваше Величество за великую милость! — громом разнеслось над площадью.

Цзя Чжу воспользовался моментом и скользнул взглядом по лицу Сююя. Тот застыл с каменным выражением лица, но он готов был поклясться, что в этот момент его гордый друг мысленно разносил в пух и прах слог и рифмы этого напыщенного послания.

Свиток передали наверх. Император Цзинчан неторопливо развернул шелк, пробежал глазами по иероглифам и удовлетворенно кивнул:

— Весьма недурно. Слог изящный, достойный кисти лучшего ученика империи.

Стоявший на коленях Чжао Сюнчжао поспешно коснулся лбом пола:

— Ваше Величество, ничтожный раб не смеет приписывать всю славу себе. Сие послание мы составляли вместе с Дай Хайкуном, вторым среди лучших, а я лишь перенес наши общие

мысли на бумагу.

Император опустил взгляд на распластанного перед ним чиновника. В повисшей тишине его голос прозвучал обманчиво мягко:

— Оказывается, оптимус и секундус трудились вдвоем. Что же, отрадно видеть такое согласие. Надеюсь, когда вы займете свои места в министерских кабинетах, ваше единодушие окажется столь же безупречным?

По лбу Чжао Сюнчжао покатила крупная капля холодного пота. Он прижался к полу еще плотнее, не понимая, кроется ли в словах владыки похвала или завуалированная угроза, и не смея проронить ни слова.

Император, не дожидаясь ответа, продолжил ровным, но ледящим душу тоном:

— Помните мои слова. Государству нужны верные слуги, радеющие о деле, и за честную службу я не поскуплюсь на награды. Но горе тем, кто вздумает плести интриги и сеять смуту в ущерб трону. Пощады не будет никому!

— Ваше Величество, рабы ваши будут помнить сие до гробовой доски! — хором отозвались перепуганные новоиспеченные чиновники.

Государь не стал затягивать аудиенцию и лишь небрежно махнул рукой:

— Можете идти.

Все с облегчением вздохнули и поспешно забили челом, провожая глазами удаляющиеся императорские паланкины.

Под грохот барабанов и звон литавр служители Министерства ритуалов вынесли огромный золотой свиток с именами победителей. Возглавляемые министром Сунь Цзянаем, молодые ученые чинно проследовали через Полуденные врата на улицы столицы. Началось традиционное шествие триумфаторов.

Тройку лучших нарядили в праздничные алые одежды, украсили их грудь яркими шелковыми цветами и усадили на белоснежных скакунов. Вдоль празднично украшенных улиц яблоку негде было упасть — тысячи горожан высыпали наружу, чтобы воочию увидеть цвет нации.

Двое из ехавших впереди всадников уже перешагнули сорокалетний рубеж. Годы изнурительного труда оставили глубокий след в их облике: согбенные спины, землистая кожа, тронутые сединой виски. На их фоне девятнадцатилетний Линь Сююй казался прекрасным небожителем, сошедшим на землю. Молодой, статный, с горделивой осанкой и тонким, изящным лицом, он приковывал к себе все взгляды. Толпа буквально взрывалась

восторженными криками, стоило юному терциусу проехать мимо. Девушки и почтенные матроны засыпали его цветами, и каждый в этот миг понимал: перед ними стоит истинный баловень судьбы, чей великий талант превосходил саму природу.

<http://bllate.org/book/18221/1761023>